
УДК 81'37: 81'342.41

ББК 81.032

И 51

Имеев В.О.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, проректор Калмыцкого государственного университета, e-mail: imeev_vo@kalmsu.ru

**Роль семантики звука в формировании словарных значений
в калмыцкой лингвокультуре (на примере звука [a:])**
(Рецензирована)

Аннотация:

Исследуются проблемы формирования лексического значения в калмыцкой лингвокультуре, изучается участие базовых семантических значений звуков в этом процессе. На основе анализа рассмотренного материала делается вывод о том, что гласные звуки в данной лингвокультуре имеют свои собственные расширенные значения, которые являются непосредственными семантическими конститuentами слов в современном калмыцком языке.

Ключевые слова:

Лингвокультура, фоносемантика, лексическое значение, фонетическое значение, базовые понятия, базовая сема, актуализация понятия, базовые культурные ценности.

Imeev V.O.

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication, Vice Rector of the Kalmytsky State University, e-mail: imeev_vo@kalmsu.ru

**The role of sound semantics in formation of dictionary meanings in
the kalmyk linguistic culture (as shown by sound [a:])**

Abstract:

This paper addresses the formation of lexical meaning in the Kalmyk linguistic culture and the role of the basic semantic meanings of the sounds in this process. On the basis of the analysis of the material under examination it is inferred that the vowels in this linguistic culture have their own broad meanings that constitute the general semantics of the words in the Kalmyk modern language.

Keywords:

Linguistic culture, phonosemantics, lexical meaning, sound semantics, basic ideas, basic seme, concept actualization, basic cultural values.

Спор о соотношении общего и частного в языках далек от завершения и в наши дни. В современном языкознании сохраняется статус-кво, реализующий утверждение, что каждый язык образует собственную «семантическую вселенную», которая складывается из семантических подсистем различных языковых уровней. При этом «языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура» [1: 322]. Соглашаясь с фактом существования общего понятийного базиса для разных языков, автор статьи солидарен с учеными, полагающими, что «естественные языки представляют собой коды культуры, которые по-разному отражают и структурируют окружающий мир» [2: 195].

В данном исследовании автор предлагает к обсуждению тезис о том, что звуки являются минимальными значимыми частицами любого языка. В частности, гласные звуки являются главным слогообразующим фактором, который, в результате реализации общих фонетических законов и специфических фонетических правил функционирования конкретного языка, создает его базовую семантическую единицу — слово или значимую морфему, соотносимые с каким-либо предметом, явлением, действием, признаком и т.д. Роль гласных звуков в формировании семантической системы любого языка трудно переоценить [3: 8 - 9]. Именно гласные звуки составляют фонетическую основу слова.

Однако до недавнего времени общепринятым считалось мнение, что слово (иногда морфема) является наименьшей дискретной семантической единицей языка, а составляющие его звуки лишены семантического наполнения, за исключением случаев, когда слово состоит из одного звука. Об этом писали еще осно-

воположники современной лингвистики Ф. де Соссюр [4: 338], Ф.Ф. Фортунатов [5: 117 - 118], А.А.Реформатский [6: 11]. Вслед за ними, авторы Русской грамматики 1980 г. полагают, что «звук является минимальной незначимой единицей речевого потока. Звук выступает в речи нерасчлененно, как единое целое... сам по себе звук не обладает языковым значением, но косвенно связан со значением: из звуков состоят значимые единицы...» [7: 14]. Другие ученые уверены, что «слова в русском языке состоят из значимых частей... Морфема — это минимальная значимая часть слова (морфемы не подлежат дальнейшему членению на значимые части)» [8: 160], или «... значения имеют слова, их значимые части (например, корни, окончания и т.д.); звук именно как звук значения в языке не имеет. Он — не знак» [9: 8].

Такой порядок вещей не устраивал всех лингвистов. Он вызывал ряд вопросов, на которые ученые давно пытались дать свои ответы. Так, В. Гумбольдт в работе «О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» обращает внимание на возможность звуков выражать определенный смысл: «... звук... своим индивидуальным качеством указывает на качества обозначаемого предмета, так как его индивидуальное качество всегда соответствует свойствам предмета и тем впечатлениям, которые предмет оказывает на восприятие говорящего... Он возникает в груди как трепетный тон, как дыхание самого бытия; помимо языка, он способен выражать боль и радость, отвращение и желание; порожденный жизнью, он вдыхает ее в чувство; подобно самому языку, он отражает вместе с обозначаемым объектом и вызываемые им чувства...» [10: 79].

В результате противоборства двух направлений в науке о языке XX века появилось особая отрасль языкознания, получившая название «фоносемантика». К числу ее представителей относятся А.П. Журавлев, С.В.Воронин, В.В.Левицкий и

др. Согласно Журавлеву, звук — значимая единица языка, обладающая определенным фонетическим значением: «Единицы низшего, фонетического уровня по традиционному представлению никаким значением не обладают. Но если понимать содержательность языковой формы как символическое значение, то возникает возможность считать символику звуков речи значимостью фонетической формы, или фонетическим значением» [11: 31]. При этом А.П. Журавлев считает, что «... фонетическое значение не осознается носителем языка, и поэтому он не может сознательно им оперировать, тогда как лексическое значение каждый говорящий на данном языке способен истолковывать...» [11: 32].

Новое направление в лингвистике пытается дать ответ на вопрос — в результате действия какого механизма при сложении отдельных звуков формируется семантически наполненное слово? Как происходит соотнесение слов в сознании носителя языка с реально существующими определенными предметами, явлениями, действиями либо их признаками? Говоря о таком системном явлении, как язык, было бы нелогичным допускать, что сложение его лексического фонда происходило путем *случайного* совпадения представлений об объектах или явлениях окружающего мира со звуковой оболочкой соответствующих слов в лингвистическом сознании этноса — коллективного носителя определенной лингвокультуры. Попытка ответить на поставленные вопросы наводит на необходимость поиска семантической первоосновы слова в составляющих его фонемах.

Выбрав в качестве объекта исследования калмыцкий язык и проводя анализ его лексического состава, автор выявил, что в языке имеются объективные данные, позволяющие говорить о том, что звуки действительно связаны с определенными расширенными семантическими значениями в сознании носителей дан-

ной лингвокультуры. В качестве научной гипотезы автор выдвигает предположение, что, формируя фонетическую форму слова, звуки *создают* и его семантику.

Исследуя основное или базовое значение долгого звука [a:] в калмыцком языке, автор выявил, что таковым является модальное значение уверенности говорящего в том, что полученная им информация соответствует действительности. Слово *aa* таким образом сигнализирует о том, что говорящий принимает полученную информацию и использует ее в качестве *основания* или *причины* для дальнейших действий.

Например: *Aa, тиим болх гижэ санжэлав* (А я и полагал, что так и должно быть) [12: 14].

Aa, маһд уга, бидн теругичн медхвидн (Пожалуй, что и мы узнаем его) [12: 14].

При этом интонационное оформление этого слова-звука модифицирует данное значение, сохраняя базовую сему реальной соотнесенности информации с действительностью.

Выступая в роли междометий слово *aa* может выражать эмоциональную оценку говорящим информации, по поводу которой он высказывается.

Например: *Aa, цуһар сэн бээнэ* (О, все живут хорошо) [12: 14]!

Aa, теругитн бидн меднэвидн (А, это-то мы знаем) [12: 14]!

И в первом и во втором высказывании автор подтверждает *реальность* содержания информации, о которой идет речь. При этом им выражается удовлетворенность и даже радость по данному поводу.

Кроме положительных чувств данное слово, в зависимости от контекста, а также интонационного оформления, может передавать и негативные эмоции.

Например: *Aa, чи нанд бэрдвгчи* (А, попался ты мне в руки) [12: 14]!

Aa, көөрк, көөрк (Ах, какая жалость) [12: 14]!

В первом случае говорящий, наряду с удовлетворением, выражает также злорадство и даже угрозу по отношению к своему собеседнику. Во втором высказывании автор показывает свое огорчение по поводу некой ситуации, о которой он узнал.

Звук [а:] формирует одно из базовых слов калмыцкой лингвокультуры — *аав* (*отец, папа*) [12:14], связанное с понятием первоосновы или первопричины. О том, что данное слово в сознании калмыка соотносится с одной из главных реалий объективного мира для пришедшего в него маленького человека, говорят калмыцкие пословицы.

Например: *Аав гижэ келнд ордг, а гижэ эрдм сурдг* (Речь малыша начинается со слова «папа», образование начинается с азов) [13: 38].

Аавин бийд кү тань, агтин бийд һазр үз (Пока есть отец — знакомься с людьми, пока есть конь — знакомься с дальними краями) [13: 39].

В первой пословице прямо указывается на то, что со словом *аав* маленький человек связывает *начало* большого мира, его окружающего. Для ребенка — это один из первых материальных объектов, который становится *фундаментом* для дальнейшего построения системы мироздания. Об этом говорится во второй пословице. Именно отец для калмыка является основой, опорой и главным помощником до того момента, когда он сам становится самостоятельной личностью.

Однако пока молодой человек не стал самостоятельным, он должен слушаться и почитать своего отца, уважать его волю и подчиняться тем правилам, что заведены в его доме.

Например: *Аавнь бүгдтн хан, аавин көвүн дүүнрин хан* (Отец — хан над всеми, а любимчик отца — хан над братьями) [13: 40].

Данная пословица свидетельствует о непререкаемом авторитете, которым пользуется в семье отец — *аав*.

Таким образом, из семантического

анализа одного из базовых слов калмыцкой лингвокультуры мы видим, что сема *основы* или *первопричины*, присущая долгому звуку [а:] и реализованная в словах-междометиях, сохраняется и в слове *аав*.

В семном составе слов *аац* (особенность; суть) и *ааш* (характер; поведение; норы) [12: 17] также прослеживается сохранившееся значение *основы* или *первопричины*. В первом случае словарное значение *особенность, суть* предполагает наличие неких постоянных базовых признаков или условий, которые лежат в *основе* отличий между разными объектами.

Например: *көдлмиин аац* (суть или особенности работы) [12: 17].

В слове *ааш* реализуется похожее значение, также требующее наличие семы *основы*. Люди (впрочем, как и животные) отличаются от себе подобных не только внешностью, но и *характером*, который определяет их поведение и является их *основной* характеристикой. Наличие долгого звука [а:] в этом слове сигнализирует о том, что *характер человека* (күүнэ *ааш*) или *норы животного* (малын *ааш*) [12: 17] калмыки считают постоянным признаком, который является *первопричиной* их особенного положения в сообществе себе подобных.

Например: *Күмн аашарн, идэн амтарн* (Человек приятен своим нравом, а пища приятна своим вкусом) [13: 387].

Ааш сээхн күмнд эмтнцүһлрдг, амт сээхн идэнд күмн болһн дурлдг (У приветливого человека люди собираются, а пищу, приятную на вкус, любит каждый) [13: 387].

В слове *аар* (мелкий, пустяковый), в котором долгий звук [а:] сочетается со звуком [г], в результате такого взаимодействия происходит переосмысление значения звука [а:] *основной, базовый* на противоположное ему значение — *не главный, не основной*.

Например: *аар-саар юмар мөр кех* (заниматься пустяками) [12: 16].

Таким образом, согласный звук [г]

в данной позиции реализует сему отрицания, модифицирующую значение всего слова. При этом в семном составе слова значения *основной*, *базовый* сохраняются.

Проведенный семантический анализ слов, в основе которых содержится долгий гласный звук [a:], показал, что в современном калмыцком языке существуют лексические единицы, сохраняющие базовые звуковые семы, которые могут быть вычленены в сложившемся окончатель-

ном значении этих слов. Это означает, что в отношении калмыцкой лингвокультуры можно говорить о сохранении взаимосвязи и взаимозависимости значений звука и слова. Более подробные и полные описания соответствия звуков и их расширенных семантических значений можно составить в результате системного анализа всего звукового состава калмыцкого языка, который потребует значительного времени и усилий не одного исследователя.

Примечания:

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры». 1999. 654 с.
2. Тихонова А.П. Связь пространственных и временных значений (на материале адыгейского, русского и английского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2006. № 1. С. 195-197.
3. Имеев В.О. Семантика звука и ее роль в формировании языковой картины мира этноса (на примере калмыцкого языка) // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: материалы II междунар. науч.-практ. конф., 7-8 октября 2010 г. Элиста: Изд-во Калмыцкого ГУ, 2010. 186 с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. М.: Учпедгиз. 1956. 457 с.
5. Фортунатов Ф.Ф. Значение звуковой стороны в языке // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1956. 450 с.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс. 2000. 536 с.
7. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
8. Современный русский литературный язык / под ред. П.А. Леканта. М.: Высш. шк., 1996. 462 с.
9. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 256 с.
10. Гумбольдт В. О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. М.: Учпедгиз, 1956. 457 с.
11. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 164 с.
12. Калмыцко-русский словарь / сост. Э.Ч. Бардаев [и др.]. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2004. 1022 с.
13. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. Б.Х. Тодаева. Элиста: Джангар, 2007. 839 с.

References:

1. Vezhbitskaya A. Semantic universals and the description of languages. M.: School «Languages of Russian culture». 1999. 654 pp.
2. Tikhonova A.P. The connection of spatial and temporal meanings (on the material of the Adyghe, Russian and English languages) // Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2006. № 1. P. 195-197.

-
3. Imeev V.O. The semantics of a sound and its role in the formation of the linguistic picture of the world of ethnos (on the example of the Kalmyk language) // Problems of languages functioning and development in the polylingual space: materials of the II international scient. and pract. conference, October, 7-8th, 2010. Elista: Kalmyk GU Publishing house, 2010. 186 pp.
 4. Saussure F. de. Course in General Linguistics // Readings on the history of linguistics of the XIX-XX centuries. M.: Uchpedgiz. 1956. 457 pp.
 5. Fortunatov F.F. The meaning of the sound system in language // Fortunatov F.F. Selected works. V. 1. M.: Ministry of education of RSFSR Publishing house, 1956. 450 pp.
 6. Reformatsky A.A. Introduction to linguistics. M.: Aspect-Press. 2000. 536 pp.
 7. Russian grammar. V. 1. M.: Nauka, 1980. 784 pp.
 8. The modern Russian literary language / ed. by P.A. Lekant. M.: Vysshaya shkola, 1996. 462 pp.
 9. Panov M.V. The modern Russian language. Phonetics. M.: Vysshaya shkola, 1979. 256 pp.
 10. Humboldt W. On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species // Readings on the history of linguistics of the XIX-XX centuries. M.: Uchpedgiz. 1956. 457 pp.
 11. Zhuravlyov A.P. Phonetic meaning. L.: LGU Publishing house, 1974. 164 pp.
 12. Kalmyk-Russian Dictionary / comp. by E.C. Bardaev [etc.]. Elista: Kalmyk Publishing house, 2004. 1022 pp.
 13. Proverbs, sayings and riddles of Russia's Kalmyks and Chinese Oirats / comp. by B.Kh. Todaeva. Elista: Dzangar, 2007. 839 pp.